

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТГУ: А.И. ДАНИЛОВ – СОЗДАТЕЛЬ ТОМСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Рассматривается научно-педагогическая деятельность выдающегося советского историка и организатора науки, создателя томской историографической школы А.И. Данилова (1916–1980). В этом контексте характеризуются его личные и профессиональные качества, воплотившиеся в формировании и деятельности школы, а также ее основные черты. Возникшая в русле марксистской методологии томская историографическая школа претерпела значительную эволюцию, суть которой может быть обозначена как отказ от крайних эпистемологических подходов, выраженное стремление к методологическому плюрализму. Такую эволюцию существенно облегчили заложенные в ее основании А.И. Даниловым принципы историографического исследования, обусловившие ее открытость, способность воспринимать даже первоначально чуждые ей идеи.

В непростой жизни исторического факультета, переживавшей свои приливы и откаты, особое место занимает время конца 40 – 60-х гг., когда происходило становление незадолго до этого возрожденного ИФФ как учебного и научного центра, складывание научных школ, получивших широкое признание в различных областях гуманитарного знания. Это были годы напряженной духовной жизни, породившей ту неповторимую творческую атмосферу, которая царилла тогда на факультете, объединяя преподавателей и студентов в единый творческий коллектив. У истоков этого преобразовавшего факультет динамичного развития стояла группа преподавателей, оказавшихся в силу разных обстоятельств в конце 40 – начале 50-х гг. в Томске. Яркие, многообразно одаренные личности, они оставили глубокий след в благодарной памяти многих поколений выпускников ИФФ как учителя-наставники, заложившие основы лучших факультетских традиций и вызывающие глубокие ностальгические чувства.

В этой плеяде выдающегося места принадлежало Александру Ивановичу Данилову. Именно он, став сразу же по приезде в Томск в 1947 г. заместителем декана, а вскоре деканом и затем секретарем партийной организации университета, возглавил и официально, в силу своего должностного положения, и неформально, благодаря своим блестящим организационным способностям и личностным качествам, работу по превращению ИФФ в современный научно-учебный центр. Формы этой работы были многообразны, но, пожалуй, важнейшей из них являлось формирование научных школ, принесших впоследствии факультету и всему университету широкую известность. Ибо мера зрелости всякого высшего учебного заведения определяется наличием в его стенах жизнеспособных, успешно функционирующих научных школ, не только обуславливающих его положение в научном сообществе, но и образующих необходимую предпосылку эффективной организации учебного процесса.

Одной из таких школ стала созданная А.И. Даниловым томская историографическая школа. Талантливый исследователь, блестящий педагог, прирожденный лидер, он обладал всеми качествами, необходимыми для создания своей школы с особыми, присущими только ей чертами. Так определяется проблематика этой статьи.

А.И. Данилов приехал в Томск, имея немалый профессиональный и жизненный опыт. Работа сельским учителем в российской глубинке после окончания Уваровского педагогического училища (Тамбовская область), обучение на заочном отделении Тамбовского педагогического института и стоявший за всем этим труд, неустанный, всепоглощающий труд, в сочетании с яркими природными способностями позволили деревенскому пареньку поступить в аспирантуру МИФЛИ, лучшего в то время гуманитарного вуза страны, где его учителем стал выдающийся советский медиевист А.И. Неусыхин.

Учебу в аспирантуре прервала война. В 1941–45 гг. Данилов – офицер Красной армии, прошедший с ней весь ее трудный и славный путь. Здесь он вступает в ряды Коммунистической партии. После демобилизации он заканчивает аспирантуру в МГУ (с которым в 1941 г. слился МИФЛИ) и после успешной защиты кандидатской диссертации по рекомендации своего учителя приезжает в Томск.

Сын своего времени А.И. Данилов искренне верил в его идеалы, разделял многие его предрассудки и заблуждения. Главное же, он являл собою тип сформированного временем ученого – гражданина, страстного защитника советской общественно-политической системы, активного проводника ее идеологии. Вместе с тем он никогда не был узким догматиком, бездушным «винтиком» системы, бездумно проводившим ее «линию». Рожденный системой, он в чем-то существенно выходил за ее жесткие идеологические параметры. Яркая и самобытная личность, он не был похож на убогого «совка», послушного раба и слепое орудие режима.

Далеко не все в официальной идеологии ему нравилось, а некоторые вещи вызвали прямое неприятие. С возмущением писал А.И. Данилов своему учителю о перевертышах, готовых с легкостью необыкновенной менять свои взгляды. «Вчера они боялись, что их объявят велико-

державными шовинистами, сегодня они Белинского ставят выше Гегеля... Во всяком случае, – выражал он надежду, – «завтра» такого рода типам принадлежать не может» [1. С. 135]. Увы, «завтра» пришла яростная компания против «космополитов», и А.И. Данилов с тревогой пишет А.И. Неусыхину в сентябре 1949 г.: «Неопределенность и неясность в положении исторической науки были удручающие. Даже в Томске чувствовались отзвуки этого» [1. С. 146].

Эта неопределенность не помешала, однако, А.И. Данилову занять весьма определенную позицию в отношении к «космополитам» на факультете. Во многом благодаря ей позорная «борьба с космополитизмом», нанесшая сокрушительный удар по развитию исторического образования в столичных университетах, парадоксальным образом обернулась благом для Томского университета и всей исторической науки в Сибири.

Связано это было с деятельностью известного советского ученого, бывшего профессора Московского университета И.М. Разгона, заклеянного в официальной печати как одного из главных космополитов в исторической науке, не по своей воле оказавшегося в Томске. Буквально накануне его приезда в город в «Правде» появилась большая разгромная статья крупного тогдашнего партийного чиновника, целиком посвященная И.М. Разгону и обвинявшая его во всевозможных грехах. Дальнейшая судьба надломленного разнузданной травлей ученого в значительной степени зависела от того, какая встреча его ожидала в Томске. Не трудно представить, что могло случиться, если бы руководство факультета усердно проводило линию на искоренение «космополитизма» и к московским работкам опального профессора прибавились томские.

К счастью, получилось иначе. На всю жизнь запомнилось, как меня, тогда студента, жестко оборвал декан ИФФ А.И. Данилов, когда я спросил его: «А правда, что к нам едет космополит Разгон?». «К нам приезжает про-

фессор, лауреат Сталинской премии, коммунист Израиль Менделевич Разгон», – строго ответил он, обозначив отношение, которое ожидало ученого на факультете.

Должен оговориться. Ни А.И. Данилов, ни его друзья не были некими партийными диссидентами, выступавшими против идеологического курса партии. На факультете, как и везде в стране, велась борьба с «космополитизмом». Но в значительной мере она носила ритуальный характер, была борьбой «вообще». А вот конкретному человеку, одному из главных, по официальной терминологии, носителей этой «заразы», были созданы условия для плодотворной деятельности, приведшей к бурному расцвету сибиреведческих исследований в Томске и всей Западной Сибири.

Подобные примеры, свидетельствующие о неординарности поступков А.И. Данилова, легко умножить. Не перечисляя их, подчеркнем главное. Для реконструкции образа А.И. Данилова – ученого и педагога – необходим целостный подход, учитывающий как противоречивость времени, в котором он жил и работал, так и неоднозначность самой его личности и вместе с тем выделяющий ее доминанту. По-видимому, наиболее удобным объектом такого целостного рассмотрения может служить его научно-педагогическая деятельность, составлявшая важнейшую грань, формировавшую общий образ ученого, так как здесь наиболее рельефно проявился весь его интеллектуальный и духовно-нравственный потенциал.

Важнейшим делом А.И. Данилова стало создание своей научной школы. Если под этим углом зрения ретроспективно рассматривать его научно-педагогическую деятельность в Томском университете (1947–54 и 1961–67 гг.), то невольно создается впечатление, может быть не такое уж и бесосновательное, что с первых же своих шагов она была целеустремленно направлена на воспитание учеников, на формирование из их числа работоспособного коллектива, объединенного общей проблематикой и исходными теоретико-методологическими установками ее исследований.

Начинать приходилось с азов, с организации спецсеминарских занятий по кафедре. На этих занятиях их руководителем сразу была поставлена высокая планка, кстати сказать, для далеко не всех специализировавшихся студентов оказавшаяся достижимой. В первые же годы работы на факультете А.И. Данилов стремился перенести на томскую почву традиционную для российских университетов, и прежде всего Московского, модель подготовки студентов-медиевистов, почерпнутую у своего учителя.

Он осуществляет специализацию по истории средних веков, основные элементы которой составляли изучение общих закономерностей развития средневекового общества, углубленное рассмотрение генезиса западно-европейского, преимущественно германского, феодализма и главное – самостоятельная работа студентов со средневековыми текстами и подготовка на этой базе курсовых и дипломных сочинений.

Участники первого спецсеминара А.И. Данилова (1949–1951 гг.) навсегда сохранили в своей памяти и тот энтузиазм, с которым они принимались за изучение средневековых картуляриев и полиптиков, и нередко посещавшее их при этом отчаяние, когда казалось невозможным справиться с варварской латынью, и маленькие «открытия» и радости, которыми в конечном итоге вознаграждались их усилия, и, в особенности, ту атмосферу творческого поиска, которая создавалась совместной работой руководителя семинара и его учеников.

Впрочем, дело, разумеется, не в одних студенческих эмоциях. Обращение к классической модели спецсеминарских занятий в российском университете акцентирует проблему преемственности в развитии отечественной высшей школы. Остановимся на ней подробнее, в частности, на роли крупных ученых – ее носителей. Именно их многогранная деятельность связывает творческие усилия поколений в единое исследовательское пространство, структурированное не только горизонтально, но и вертикально.

Наличие такого пространства, соединяющего новации с устойчивой культурно-исторической традицией, составляет необходимую предпосылку эффективного развития науки, в особенности в переломные эпохи жизни общества. В эти эпохи крутой ломки старого в самых разных сферах политики, экономики и идеологии преемственность в развитии научных традиций, в самой системе организации высшего образования и производства научных знаний, особенно по гуманитарным наукам, образует некоторые немногочисленные в такие эпохи опорные точки, придающие обществу известную устойчивость. В этом плане представляется уместным говорить о социокультурном значении деятельности многих существовавших в советское время исторических школ. Генетически связанные с дореволюционным наследием, они, при всех своих обусловленных временем концептуальных новациях, сохраняли лучшие достижения дореволюционной высшей школы в изучении и преподавании истории.

Прежде всего это относится к сохранению той высокой академической культуры, обладание которой современный американский историк Дж. Энтин считает великим преимуществом России перед другими странами. Перечисляя элементы этой культуры (дух семинара Ранке со свойственными ему высокими стандартами эрудиции, строгость критического анализа источников и специальной литературы и т.п.), Дж. Энтин с немалым удивлением пишет, что «эти нормы, лежащие глубже доктрины классовой борьбы, как это ни странно, выжили и в годы Советской власти» [2].

Одна из причин такой стойкости традиций академической культуры в российских университетах как раз и заключалась в том, что между этой культурой и «доктриной классовой борьбы» не было столь неодолимого противоречия, как это представляется американскому автору. Приверженность марксизму не только не исключала, но и предполагала необходимость овладения высокой исследовательской техникой, так как это учение претендовало на научное познание исторической действительности и нуждалось поэтому в соответствующем уровне профессиональной подготовки историков. Другое дело, что целые отрасли советской исторической науки, подобно истории КПСС или истории Октябрьской революции и советского периода, были предельно политизированы и идеологизированы. Но чем далее уходила исследовательская проблематика от современности, тем более она была свободна от конъюнктурных подходов, тем непредубежденнее становился научный поиск и тем настоятельней делалось обращение к отечественной академической традиции, столь богатой, в частности, в изучении и преподавании истории средних веков.

Эта традиция, однако, не замыкалась на совершенствовании техники исторического исследования, что никогда не было самоцелью. Ее характерной чертой являлось органическое сочетание скрупулезного анализа источников и основывавшихся на нем широких

исторических построений, включающих в себя более или менее значительные теоретические обобщения.

Большинству выдающихся русских историков, активно работавших в последней четверти XIX – начале XX в., был присущ выраженный вкус к теории. Он проявлялся в оживленном обсуждении теоретико-методологических проблем исторического познания, напряженном интересе к западной философско-исторической мысли, в частности, к марксизму, в выработке собственных оригинальных концепций по коренным проблемам отечественной и всеобщей истории.

Эти концепции, как и самое обращение к прошлому, основывались на убеждении в социальной ориентированности исторического познания, в необходимости объективного изучения прошлого для лучшего понимания настоящего. Современность не просто стимулировала исследование прошлого, она формулировала вопросы к нему, развернутые ответы на которые в концептуальной форме и стремились представить русские историки, обращаясь преимущественно к сфере социально-экономических отношений.

Указанные черты характеризовали не только изучение истории, но и ее преподавание в высшей школе, ключевое положение в котором занимали профессорские лекции. В российских университетах они всегда значили неизмеримо больше, чем рутинный элемент учебного процесса. Это были широкие концептуальные курсы, раскрывавшие не только определенную историческую проблематику, но и, в не меньшей мере, личность самого лектора, его видение истории, равно как и общее мировидение. Основывавшиеся на обширном историографическом материале такие курсы носили выраженный творческий характер, выполняя не только обучающую, но и важную мировоззренческую функцию, воспитывая не узких специалистов по определенной тематике, а «всеобщих историков», стремившихся осмыслить общие закономерности развития как своей науки, так и самого исторического процесса. Достаточно вспомнить выдержавшие несколько изданий, в том числе и в советское время, известные курсы А.И. Неусыхина, крупнейшего русского медиевиста, Д.М. Петрушевского, автора «Очерков из истории средневекового общества и государства» и «Очерков из истории английского государства и общества в средние века», чтобы убедиться, какое место занимали лекционные курсы в деятельности российского университетского профессора, какой своеобразной формой его самовыражения они являлись.

Такое отношение к университетскому преподаванию было присуще и А.И. Неусыхину, который сумел сохранить, развивая в новых исторических условиях, российскую традицию академического образования. Вспоминая о педагогическом мастерстве своего учителя, А.И. Данилов писал: «Будучи предельно насыщенными по своему научному содержанию, убедительными и яркими, лекции А.И. Неусыхина, руководимые им занятия по своему значению для студентов далеко выходили за пределы изучения только средневековой истории. Они играли большую роль в формировании исторического мышления будущих преподавателей средней и высшей школы, в выработке столь важного в педагогическом труде историка умения раскрывать смысл исторических явлений и фактов, умения вести учащихся от исторических событий к историческим обобщениям как результату теоретического осмысления многоликой исторической действительности» [3].

Не развертывая этот сюжет далее, подчеркну еще раз значение созданных в советский период научных школ,

сохранивших, а в ряде моментов и развивших достижения русской дореволюционной историографии. Конечно, на этом пути были не только обретения, но и утраты. Официальная идеология и партийный диктат препятствовали развитию творческой мысли, обуславливали конфронтационность советской историографии, пресловутую борьбу «за чистоту марксизма», оборачивавшуюся ее догматизацией и прогрессирующим отставанием от мировой науки. Но в этих условиях тем большее значение имело сохранение элементов старой академической культуры и связанная с этим деятельность научных школ.

В их числе свое место занимала томская историографическая школа, восходившая в своих истоках к российской академической традиции высшего образования, представленной такими блистательными именами, как Д.М. Петрушевский и А.И. Неусыхин. Многие в этой традиции было воспринято Даниловым. Выше уже говорилось, что молодой историк, получивший в аспирантуре у А.И. Неусыхина блестящую профессиональную подготовку, по приезду в ТГУ начал энергично культивировать в своей работе со студентами московскую модель проведения спецсеминарских занятий.

Большое значение для становления школы имел воспитанный учителем у своего ученика развитый вкус к исторической теории. Он ярко обозначился уже в лекциях молодого преподавателя по истории средних веков, восхищавших своих слушателей широкими концептуальными построениями, раскрывавшими на тщательно отобранном конкретно-историческом материале закономерности генезиса, расцвета и упадка западноевропейского феодализма.

Но особенно рельефно теоретический склад мышления А.И. Данилова сказался на его школе, которая с самого начала формировалась как школа теоретическая, обладающая определенными теоретико-методологическими принципами историографического исследования. При этом речь идет не об историческом материализме, как обязательном методологическом фундаменте всей советской исторической науки. Я имею в виду нечто особенное, присущее только данной школе, а именно: изначальное стремление рассматривать теоретико-методологические основы историографического процесса в общем контексте центральной для всего творчества А.И. Данилова проблемы «история и современность».

Формирование школы падает на 60-е гг., ставшие временем расцвета научно-педагогической деятельности А.И. Данилова. В 1961 г. он возвращается в Томск после учебы в докторантуре Института истории АН СССР, успешной защиты докторской диссертации и недолгого профессорства в Казанском университете. Здесь впервые в стране он организует стройную систему специализации студентов по историографии всеобщей истории. Она включала в себя чтение курсов по методологии истории и историографии всеобщей истории, основательную языковую подготовку специализирующихся студентов и, конечно, спецсеминары и индивидуальные занятия с ними. Как и в конце 40 – начале 50-х гг. вся тяжесть специализации ложилась на плечи одного человека. Приходится только удивляться, как ему удавалось сочетать эту работу с деятельностью на посту ректора Томского университета (1961–1967 гг.) и выполнением многих других обязанностей, в том числе и депутата Верховного Совета СССР.

Нельзя не признать, что осуществление специализации по историографии скрывало в себе немало подвод-

ных камней, в числе которых следует особо отметить опасность подмены серьезного историографического исследования поверхностным «разбором полетов», построенном на нехитром приеме сопоставления критикуемого с нормативным. Тем более, что обладание «единственно верным» учением вводило в понятный соблазн принимать позу верховного судьи, твердо знающего, кто прав, а кто виноват. С другой стороны, перед начинающим исследователем в области историографии, несомненно, встанут и серьезные объективные трудности, выражающиеся в отсутствии сколь-нибудь существенного опыта самостоятельной научной работы. Между тем ему приходится иметь дело с крупным ученым или целой историографической школой, известными своим реальным вкладом в развитие науки. Может ли студент даже с помощью своего научного руководителя оценивать профессора? Не будет ли такая оценка профанацией самого жанра историографического исследования?

Эти не праздные вопросы побуждают внимательнее всмотреться в принципы работы А.И. Данилова со своими учениками, тем более, что они закладывали основы созданной им историографической школы. Прежде всего отметим достаточно четко очерченный ракурс этой работы. А.И. Данилов ориентировал учеников на изучение идейно-теоретических основ «буржуазной», по тогдашней терминологии, историографии. Это изучение осуществлялось в рамках исследовательской программы «Взаимоотношение истории и современности на разных этапах развития исторической науки» и открывало определенные возможности для самостоятельной работы даже для начинающих авторов, ибо центр тяжести переносился в сферу, где их основательная методологическая и общеполитическая подготовка помогала в поисках собственных подходов в освещении взглядов тех или иных историков, в какой-то мере «снимающих» различие в их историографическом опыте. Место примитивного оценочного подхода, основывающегося на определении близости взглядов данного ученого к материалистическому пониманию истории, занимало исследование доступной методологической проблематики в контексте изучения взаимоотношения истории и современности.

Конечно, молодого исследователя и здесь подстерегал искус упрощенных решений, сведение изучаемой проблемы к критике «чуждых взглядов». Но в том, чтобы не допустить этого, как раз и заключалась роль научного руководителя. В своей научно-педагогической деятельности А.И. Данилов последовательно стоял на позициях материалистического понимания истории. Все его лекционные курсы от истории средних веков до историографии всеобщей истории являли образец использования истин марксизма в анализе конкретного эмпирического материала. Еще более были насыщены марксистским содержанием его лекции по методологии истории. Естественно, что в своей работе с учениками он воспитывал у них твердое марксистское мировоззрение как методологическую основу их историографических исследований.

Важно, однако, не упускать из виду и другое. Убежденный в превосходстве исторического метода Маркса, передававший эту убежденность своим ученикам Данилов вместе с тем воспитывал у них серьезное отношение к немарксистской историографии именно как к науке, изучение теоретико-методологических основ которой не терпит поверхностного идеологизированного подхода. Не раз ученики А.И. Данилова получали от него предметные уроки насчет того, что к немарксистским

историкам следует относиться именно как к ученым, а не заведомым фальсификаторам истории или вовсе недоумкам, не сумевшим или не захотевшим постичь свет истинного знания. Тем более, что перед их глазами был пример учителя. Конечно, не следует упрощать. Путь самого Данилова в науке не был прост. Остро ощущая связь исторической науки и современности, он неизбежно отражал в своем творчестве пристрастия и заблуждения времени, в котором жил. Собственно, его становление как крупного ученого и заключалось в постепенном освобождении от влияния этих пристрастий и заблуждений.

Любопытно в этой связи сравнить первоначальное и окончательное название темы его докторской диссертации: «Политическая реакционность и антинаучная сущность немецкой историографии конца XIX и начала XX вв.» [4] и «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX вв.» (М., 1958). Трудно поверить, что речь идет об одной и той же работе – настолько исполнение отличалось от замысла. Дело, конечно, не просто в смене названия. Главное – в изменении самого отношения к изучению западной историографии, в процессе которого и сложилась томская историографическая школа.

Важным рубежом в становлении школы стал выход сборника «Методологические и историографические вопросы исторической науки» (Томск, 1963). С понятным чувством удовлетворения, сообщая об этом А.И. Нусыхиной, А.И. Данилов писал, что «он составлен изopusов моих бывших и настоящих студентов (2 доцента + 1 аспирант + 2 студента)... Это первый сборник, который состоит из статей, написанных под моим руководством, и я солгал бы, что совершенно им недоволен» [1. С. 170]. Вслед за первым начали ежегодно выходить очередные выпуски сборника, ставшего печатным органом школы, выразившим ее научное лицо. Скоро пришло признание научного сообщества, которое, наверное, наиболее емко выразил известный польский историк А. Грабский. В своей рецензии он подчеркивал, что сам факт строгой периодичности такого издания «свидетельствует самым лестным образом об интеллектуальной атмосфере, господствующей» в Томском университете, и что «не будет преувеличением сказать, что многие университеты со значительно более старыми традициями не смогли бы собраться с духом на подобную публикацию». Указывая в обзоре помещенных в сборнике статей на некоторые общие для них черты, он писал: «Создается впечатление, что мы имеем дело с серьезной томской школой историков историографии, группирующейся вокруг известного исследователя и педагога, развивающейся в атмосфере добросовестной работы, творческой дискуссии и стремлении к возможно наилучшему изучению самых трудных проблем современной историографии» [5].

Обращает на себя внимание подчеркнута академическое название сборника, в котором отсутствовали такие распространенные в то время обороты в титулатуре подобных изданий, как «Критика...» или «Против фальсификации истории...» Может быть, и это тоже предупреждало начинающих исследователей от лихих атак на немарксистскую историографию. Осуществлявшийся ими историографический анализ, естественно, основывался на марксистских постулатах. Однако, как бы это, на первый взгляд, ни звучало парадоксально, сами принципы работы А.И. Данилова со своими учениками открывали потенциальную возможность

расширения ими методологической базы своих исследований.

К ним мы еще вернемся. Здесь же уместно остановиться на вопросе о самой личности ученого как важном школообразующем факторе. Создатель жизнеспособного коллектива, претендующего на ранг научной школы, помимо выдающихся профессиональных способностей должен обладать определенными качествами руководителя, формирующего и цементирующего школу, придающего ей черты неформального, а потому особенно прочного образования, основанного не только на профессиональных отношениях между учениками и учителем, но и, пожалуй, не в меньшей степени, на глубоком чувстве их личной привязанности к нему, благодаря чему в их восприятии складывается целостный образ ученого и человека.

В полной мере эти качества были присущи А.И. Данилову. Властное притяжение его яркой личности с особой силой испытывали студенты. Всякий раз, когда он впервые появлялся в учебной аудитории, будь это в 1947 г. в Томске, в 1959 г. в Казани или в 1961 г. опять в Томске, между ним и студентами быстро устанавливалась особого рода эмоциональная связь, основанная не только на их восхищении профессиональным мастерством преподавателя, но и на очаровании самой его личностью. Сила этого очарования и сегодня живет в памяти выпускников Томского и Казанского университетов, и не только историков, но и филологов, юристов, всех тех, кто с ним когда-либо общался.

Особенно тесной эта эмоциональная близость была между А.И. Даниловым и его непосредственными учениками. Собственно, для многих из них, в частности, для меня, выбор специализации определялся именно притяжением личности научного руководителя. Их любовь к учителю поистине не знала расстояний. Когда, например, А.И. Данилов перешел в начале 60-х гг. на работу в Томский университет, вслед за ним из Казани приехала большая группа его учеников, которым суждено было стать ядром складывавшейся школы. В свою очередь, и ученики А.И. Данилова всегда могли рассчитывать на дружеское участие и помощь своего руководителя, выходявшие за рамки их формальных отношений.

Отмечу, наконец, еще одно обстоятельство, способствовавшее формированию жизнеспособной научной школы. Выраженный педагогический и человеческий талант А.И. Данилова, его многогранность привлекали к нему самых разных людей, различавшихся между собой не только направлением своих научных интересов, но и, в определенной степени, мировоззрением. Не случайно, что сегодня его ученики придерживаются различных историко-теоретических взглядов и политических убеждений, объединяясь лишь в своей любви к человеку, который привил им глубокое уважение к подлинной науке.

И следует обязательно добавить, что А.И. Данилов привил своим ученикам навыки самостоятельной исследовательской работы. Важнейший принцип его педагогической работы может быть обозначен как сочетание высокой требовательности к ученикам с доверием к ним. Он никогда не давил на них своим громадным научным авторитетом, поощрял их творческий подход к делу, даже если при этом получались результаты, не совпадавшие с его исходными установками.

Закономерным поэтому является прогрессирующее расширение сферы научных интересов учеников Данилова, которые существенно раздвинули первоначальные рамки школы, что легко можно проследить, со-

поставляя различные выпуски сборника «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Думается, что именно благодаря этому принципу он и смог создать свою школу в изучении историографии всеобщей истории. Ведь рабское подражание даже очень талантливому ученому еще не делает школы.

Но речь идет не только и даже не столько о простом количественном расширении исследовательской проблематики. Постепенно, в особенности в трудах следующего поколения – у «научных внуков» Данилова – стали появляться новые подходы, выходящие за рамки традиционной марксистской парадигмы историографического исследования. В этом ключе, в частности, были написаны работы, характеризующие развитие западной исторической мысли XX века [см., например, 6–9].

Особо следует отметить выпущенные кафедрой методические рекомендации, обобщавшие опыт преподавания курсов по истории западного и восточного средневековья. На его основе авторы констатировали «эвристическую исчерпанность старой формационной схемы и, в частности, идеи единой для Запада и Востока феодальной формации» [10]. Не вступая в дискуссию относительно того, действительно ли исчерпаны эвристические возможности формационной схемы, в особенности, когда речь идет об использовании ее элементов в рамках цивилизационного подхода, подчеркну главное. Уже к рубежу 80 – 90-х гг. третье поколение школы естественно пришло к отказу от важнейшего постулата, лежавшего в ее основании. Это было не внезапным «прозрением», столь распространенным в те годы, а результатом длительных, подчас мучительных размышлений об истории и жизни, обусловивших прогрессирующий отказ от марксистской объяснительной модели как единственно возможной.

Не в этой ли плавной эрозии исходных идейно-теоретических позиций скрывается одна из причин того, что крушение безраздельного господства в отечественной науке марксистского учения не привело к глубокому мировоззренческому кризису школы, сформировавшейся на его методологической основе? Не было ли демонстративного отречения от марксистской методологии, ни стремления «не поступаться принципами». Была и продолжается напряженная работа по осмыслению современной историографической ситуации и поисков своего места в ее изучении.

Сегодня это место в значительной степени определяется анализом тех тенденций в развитии новейшей западной историографической мысли, которые связаны с утверждением антропологического подхода в изучении истории [см. в особенности коллективную монографию 11]. Соответствующая проблематика занимает все более видное место и на страницах сборника «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Показательными в этом отношении являются его последние выпуски, авторами которых в большинстве своем являются аспиранты кафедры истории древнего мира и средних веков Томского государственного университета. [12–14].

Уже сам выход сборника в таком составе авторов свидетельствует, что томская историографическая школа обладает в виде способной, хорошо подготовленной научной молодежи значительным творческим потенциалом. Это дает основание полагать, что, сочетая традиционные для нее широту историографических интересов и пристальное внимание к теоретико-методологическим проблемам исторической науки с новыми исследова-

тельскими подходами, связанными, в частности, с изучением истории ментальностей, а также культуры (элитарной и особенно народной), она сможет занять свою нишу в современной науке о человеке в истории. Но это означает присутствие в ее основании здорового начала, заложенного А.И. Даниловым.

В самом общем виде эволюция идейно-теоретических основ школы может быть обозначена как отказ от крайних эпистемологических подходов, выраженное стремление к методологическому плюрализму. Безусловно, такой вектор развития школы никак не программировался ее основоположником. Для этого потребовались радикальные перемены в стране, мире и самой исторической науке. Но не следует упускать из виду и ту творческую атмосферу во взаимоотношениях между разными поколениями исследователей, основания которой заложили принципы работы А.И. Данилова со своими учениками и которая существенно облегчала и ускоряла эту эволюцию.

Уместно обратиться к известной статье А.Я. Гуревича, в которой задавался риторический вопрос: на что А.И. Данилов «потратил свои способности и, главное, какую научную стезю избрал?» [15]. Думается, что убедительный ответ на него дают результаты научно-педагогической деятельности ученого, составившей органографическое звено в развитии отечественной историографии всеобщей истории. И дело не только в создании жизнеспособной научной школы, питомцы которой плодотворно работают в различных университетских центрах не только России, но и за ее пределами. Заложенные в ее основании принципы историографического исследования обусловили ее открытость, включающую восприятие даже первоначально чуждых ей историографических явлений, способность к их оценке, свободной от вненаучных подходов.

Разумеется, место А.И. Данилова в отечественной науке определяется не только созданной им историографической школой. Достаточно вспомнить, что он стоял у истоков возрождения изучения и преподавания методологии истории в нашей стране. Его известное письмо в редакцию журнала «Вопросы истории», где впервые в послевоенной советской историографии подчеркивалась настоятельная необходимость широкого развертывания историко-методологических исследований, по существу инициировало их начало. Подчеркивая необходимость творческой разработки гносеологических проблем исторической науки, А.И. Данилов давал их примерный перечень: «своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке, природа исторических понятий, специфика их образования..., диалектика общего, единичного и особенного в историческом познании...» [16. С. 217].

Едва ли можно сомневаться, что эти проблемы и сегодня в полной мере сохраняют свою актуальность. Другое дело, что и в этой, и в других своих методологических статьях А.И. Данилов настаивал на последовательной марксистской разработке этих проблем, к тому же в контексте «активной наступательной борьбы против современной буржуазной историографии» и защиты «чистоты марксизма». Конечно, с точки зрения сегодняшнего дня такая позиция представляется достаточно уязвимой и легко может стать объектом праведного гнева.

Но вернемся в день вчерашний. Тогда, в 60-е гг., всякое развитие методологии в советской исторической науке возможно было только на основе марксистского учения. И не только потому, что хрущевская «оттепель» не поколебала положения марксизма как

официальной идеологии в обществе. Не менее существенным было то обстоятельство, что сами ученые, возрождавшие методологию истории, были твердо убеждены, что «отправным и совершенно необходимым условием» разработки методологии истории «является освоение марксистского, ленинского наследия». «Оно должно быть, – подчеркивалось в имевшем программное значение редакционном вступлении к изданию сектора методологии истории Института истории АН СССР «Историческая наука и некоторые проблемы современности», ответственным редактором которого был руководитель сектора М.Я. Гефтер, – и переломный характер эпохи к этому обязывает с особенной силой – новым прочтением исторической концепции Маркса, Энгельса, Ленина» [17].

Сама идея создания такого сектора была выдвинута в цитированном письме А.И. Данилова, где указывалось на необходимость решить вопрос об организационных формах развертывания теоретико-методологических исследований. Для этого предлагалось «создать такую организационную ячейку, которая стала бы центром притяжения для всех ученых, занимающихся теоретико-методологическими вопросами исторической науки» [16. С. 217]. Именно такой ячейкой и стал возглавлявшийся М.Я. Гефтером сектор методологии истории, сделавшийся за короткий срок своего существования (1964–1969 гг.) авторитетным центром историко-методологических исследований, щедро генерировавший новаторские идеи в сфере разработки теории исторического процесса и природы исторического познания.

Правда, в дальнейшем пути зачинателей советской методологии истории существенно разошлись. Как раз Данилова и Гефтера немецкий историк советской исторической науки И. Хеслер называет ведущими представителями двух альтернативных подходов в методологических дискуссиях 60–70-х гг. – «ортодоксально» и «ревизионистского» [18]. Признаем также, что ревностная защита «чистоты» марксизма объективно была чревата опасностью стагнации советской исторической науки, ее отставания от мирового уровня, который в теоретическом плане все более определялся вырвавшимся методологическим плюрализмом.

Но было бы искажением исторической правды и просто неблагодарностью забывать о месте А.И. Данилова в самом становлении историко-методологических исследований в стране. Тем более, что и его отношение к западной историографии отнюдь не было таким однозначно негативным, как это представляется А.Я. Гуревичу, изображающему его в роли сурового судьи ее. В действительности, эта роль была намного сложнее. Еще в начале 60-х гг. А.И. Данилов едва ли не первым в послевоенной советской историографии, указывая на интенсивные искания западных ученых в области теоретических проблем исторической науки, подчеркивал, что они «связаны с постановкой ряда весьма существенных вопросов, относящихся к истолкованию важных сторон общественного развития, так и к принципам исторического познания» [16. С. 216]. Тем самым внимание научной общественности привлекалось к актуальным проблемам исторической методологии, разрабатывавшимся на Западе.

Отметим, наконец, его труды в области генезиса западно-европейского феодализма, в особенности монографию «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX вв.», до настоящего времени остающуюся непревзойден-

ным органическим сплавом конкретно-исторического и историографического исследования. И все же, повторимся, именно в научно-педагогической деятельности А.И. Данилова полнее всего проявилась его яркая личность, именно ее результаты оказались наиболее прочными, в определенном смысле пережившими его время.

Историк и время... Эта вечная проблема никогда не знала простых решений. Давно стало общим местом положение о том, что историк – сын своего времени, выражающий в своем творчестве его императивы, но означает ли это, что он, пользуясь известным выражением, безраздельно находится в плену у времени? Вся история исторической науки, раскрывающая природу ее взаимоотношений с современностью, дает на этот вопрос отрицательный ответ. Никогда история не была простой функцией современности, а ее наиболее талантливые представители – примитивными выразителями господствующих социальных отношений. Чем ярче и неординарнее личность историка, тем сложнее складываются его отношения со временем и тем, следовательно, внимательнее следует подходить к оценке его действительной роли в развитии исторической науки, как и его места в собственном времени.

Однако до сих пор существует искушение упрощенных подходов, основанное на отождествлении историка и его времени либо на их противопоставлении. В обоих случаях оценка времени историка автоматически переносится на него самого. Здесь-то и скрывается проблема, требующая взвешенного, не отягченного никакими шаблонными схемами подхода к ее решению. Тем более, что время историка оценивается с позиций того времени, когда производится эта оценка.

Рожденный своим временем большой историк, независимо от своего отношения к нему, в чем-то сложнее его. Это «что-то» коренится в личности ученого, способствуя в какой-то мере его выходу за границы

своего времени, точнее – господствующих доминант этого времени. Строго говоря, то обстоятельство, что время историка нацело не определяет результаты его деятельности, объясняет самую возможность поступательного развития исторической науки. Ибо в противном случае каждая новая эпоха отвергала бы все созданное предыдущей.

В полной мере сказанное относится к оценке результатов научной деятельности А.И. Данилова. Рожденный советской эпохой, он искренне разделял ее идеалы. С оружием в руках он защищал их на полях Великой Отечественной войны и не менее страстно утверждал их в своей научной и общественно-политической деятельности. В определенном смысле его можно считать типичнейшим представителем советской эпохи, выразившим и отстаивавшим ее ценности в широких сферах общественно-политической практики, но прежде всего – в области исторического познания. Во всей его деятельности ярко проявились сильные и слабые стороны этой эпохи, ее глубокая внутренняя противоречивость.

А.И. Данилов был действительно советским историком – не по формальной принадлежности к определенному времени, а по выражению в своем творчестве ее идеалов, убеждений, но и, увы, заблуждений и предубеждений тоже. Но следует ли из этого, что он остался в своем времени и весь историографический интерес к его деятельности исчерпывается ныне разоблачением этих предубеждений и разоблачений? Всем содержанием своей статьи я стремился показать, что это не так. Научно-педагогическая деятельность А.И. Данилова способствовала сохранению преемственности в развитии отечественной исторической науки. В этом и заключается ее важнейший результат, определяющий место ученого и отечественной историографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов А.И. Письма А.И. Неусыхину. Публикация Л.Т. Мильской // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1986. Вып. 18.
2. Энтин Дж. Взгляд со стороны: о состоянии и перспективах российской историографии // Вопросы истории. 1994. Т. 9. С. 191.
3. Данилов А.И. Неусыхин – историк-медиевист, ученый и педагог // Средние века. М., 1969. С. 11–12. Вып. 32.
4. Зайченко П.А. Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева за 75 лет. Томск, 1960. С. 454.
5. Grabski A.F. Prace historykow tomskich z zakresu metodologii historii i historii historiografii // Histoijka, 1972. Т. III. S. 117, 127.
6. Мучник В.М. В поисках утраченного смысла истории: Мировоззрение А. Дж. Тойнби. Томск, 1986.
7. Мучник В.М. Об антициентистских тенденциях в западной историко-теоретической мысли 70–80-х годов // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1990. Вып. 19.
8. Гурьев В.С., Колодий Н.А. «Я мыслю, – следовательно, я страдаю (Абрис культурно-исторической концепции И. Хейзинги» // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1983. Вып. 17.
9. Николаева И.Ю. Проблемы интеллектуальной истории в современной американской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1992. Вып. 19.
10. Николаева Е.Р., Мучник Ю.М., Мучник В.М. Проблемы средневековой культуры. Методические рекомендации по общим курсам «История средних веков» и «История стран Азии и Африки в средние века». Томск, 1991. С. 3.
11. «К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли». Томск, 1994.
12. Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1994. Вып. 22.
13. Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1998. Вып. 23.
14. Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1998. Вып. 24.
15. Гуревич А.Я. «Путь прямой, как Невский проспект» или Исповедь историка // Преподавание истории в школе. 1995. Т. 5. С. 26.
16. Данилов А.И. О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки // Вопросы истории. 1961. Т. 3.
17. Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 6.
18. Hosier J. Die Sowjetische Geschichtswissenschaft 1953 bis 1991. München, 1995. S. 297.

Статья поступила в редакцию 15 февраля 1999 г.